

«СВАТЪСТВОМ ОБУЕМШЕСЯ...»: ДОЗВОЛЕННОЕ И НЕДОЗВОЛЕННОЕ
СВОЙСТВО В КНЯЖЕСКИХ БРАКАХ 40–60-х ГОДОВ XII в.¹

Как мы попытались продемонстрировать в первой части работы, для Ростислава женитьба овдовевшего Олега Святославича на его дочери позволяла восстановить ту основательную и устойчивую связь с домом Ольговичей, которая в значительной степени была подорвана смертью Святослава Ольговича. Жена Романа, уже 15 лет назад отделившаяся от своей черниговской родни и остававшаяся с мужем в Смоленске, теперь не могла, по-видимому, служить достаточно надежным соединительным звеном между своими братьями и Киевом. Благодаря же замужеству Агафьи, киевский князь, помимо всего прочего, обеспечивал себе естественное старшинство над главными представителями черниговского дома. Святослав Всеволодич приходился ему родным племянником по сестре, и, коль скоро Олег становился теперь его зятем, Ростислав мог брать на себя роль своеобразного третейского судьи над всеми Ольговичами.

Как уже отмечалось выше, еще более выгодным, если не сказать жизненно необходимым, был этот союз для Олега Святославича. С одной стороны, в новой, куда менее комфортной для него династической ситуации, Олегу удастся как бы еще раз подтвердить свой родовой статус, сделавшись зятем очередного киевского князя, одного из Мстиславичей, некогда противостоявших Юрию Долгорукому. С другой стороны, он получает, что еще более существенно, практическую поддержку могущественного тестя. О том, что эта поддержка была вполне осязаемой, мы узнаем из известий, помещенных в летописи буквально под следующим годом после сообщения о свадьбе Олега и Агафьи Ростиславны.

В этом году разворачивается новый этап несогласия кузенов, Святослава Всеволодича и Олега Святославича: во Вщиже умирает их троюродный брат, Святослав Владимирович, последний представитель линии Давыдовичей, и сидящий в Чернигове Святослав Всеволодич отдает Вщиж вовсе не нашему Олегу, а его полному тезке — собственному сыну Олегу Святославичу. При этом некую «**ЛЕПШЮ ВОЛОСТЬ**» (по-видимому, Стародуб) Святослав Всеволодич передал своему родному брату Ярославу, и произошло это снова в обход кузенов, прежде всего интересующего нас Олега. Согласно показаниям летописи, Ростислав принял в этом конфликте сторону зятя и много раз посылал к племяннику, «**ВЕЛА ЕМЪ ОУ ПРАВДУ НАДЪЛАНТИ ШЛГА . и ДОБРА ИМЪ ХОТА**»².

Поначалу Ростиславовы уговоры ничего не дали, и соперники перешли к военным действиям, причем Всеволодичи в какой-то момент затеяли поход на Новгород-Северский. Однако посредничество киевского князя, по-видимому, все же возымело определенный результат: войско Ярослава Всеволодича не дошло до Новгорода — Ростислав, узнав о болезни Олега, велел зятю мириться с двоюродными братьями. Для Олега мир этот оказался небесплоден, потому что при его заключении он получил от Святослава некие четыре города и «**правда**» хотя бы отчасти была восстановлена.

Ситуация в летописи представлена таким образом, что Ростиславу не было нужды прибегать к военному вмешательству, скорее, он берет на себя миротворческие функции отца, улаживающего дела своих подросших подопечных. Еще в большей степени эта интенция проступает в рассказе о поездке, предпринятой Ростиславом накануне смерти, когда он поочередно объезжает родных сыновей и зятя, Олега, причем его поездка сопровождается как церемониальными мероприятиями,

¹ Окончание, начало см.: № 2 (52). С. 25–36. В работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

² ПСРА. М., 1998. Т. II. Стб. 525.

так и разрешением текущих конфликтов³. Нетрудно убедиться, что в этом описании роль зятя немногим отличается от роли родных сыновей киевского князя, хотя в летописи мы не найдем указаний на то, чтобы Ростислав именовал Олега сыном, а тот его отцом, подобно тому как много лет спустя будут именовать друг друга отцом и сыном Рюрик Ростиславич и его зять Роман (см.: [Литвина, Успенский, 2012а, с. 142–144]). Тем не менее можно утверждать, как кажется, что в отношениях Ростислава и Олега реализуется — пусть и в ослабленном виде — такая модель княжеских взаимоотношений, когда для зятя, не имеющего ни родного отца, ни родных дядьев, ни родных старших братьев, свойство хотя бы на время приравнивается к кровному родству и, соответственно, тесть берет на себя отцовские функции.

Однако Ростислав, который по меркам той эпохи был уже весьма немолод, умирает, как уже говорилось, всего лишь несколько лет спустя после свадьбы Олега и Агафьи (напомним, что согласно летописи мысли о возможной кончине все чаще посещали его после смерти родного отца Олега, Святослава Ольговича). Был ли в таком случае союз Олега с Ростиславной сугубо тактической затеей, рассчитанной лишь на немедленную помощь в противостоянии с кузенами? Сохраняет ли Олег сколько-нибудь тесные отношения с мужской частью семьи Ростислава Мстиславича после его смерти?

Казалось бы, всех ближе Олегу мог быть Роман Ростиславич, второй участник перекрестного брака, много лет женатый на родной сестре Олега. Тем не менее никаких данных, указывающих на особенную близость, ни до женитьбы Олега на Агафье, ни долгое время после мы в летописи не находим, разве что в 6668 г. им пришлось участвовать в одном и том же походе на Вщиж, но речь шла о мероприятии, предпринятом довольно обширной группировкой князей, а отнюдь не об их личном замысле⁴. Другие братья Агафьи тоже довольно долго не упоминаются в связи с Олегом Новгород-Северским.

Однако много лет спустя после кончины Ростислава, когда кузен и давний соперник Олега, Святослав Всеволодич, по-прежнему владеющий черниговским столом, вступает в борьбу за стол киевский, выясняется, что противостояние между ними не забыто, не забыто и свойство Олега с домом Ростислава. В 1174 г. Олег, видимо, воспользовавшись благоприятным моментом, разоряет владения Святослава, Святослав же, вернувшись в Чернигов, отплачивает Олегу разорением его волостей⁵. Приблизительно через год Олег снова пытается пойти на Чернигов или, по крайней мере, заполучить Стародуб, но теперь, как сообщает летопись, он посылает за помощью к своим шуринам Ростиславичам, и те в самом деле помощь оказывают.

Таким образом, мы можем заключить, что все эти годы они в той или иной степени продолжали поддерживать те союзнические отношения, которые были заложены их отцом Ростиславом. Самый характер их помощи Олегу заставляет предположить, что она не простиралась далее тех границ, которые были намечены Ростиславом — они пожгли Лутаву и Моровийск, но предпочли не идти ни к Чернигову, ни даже к Стародубу, помирившись со Всеволодичами, которые, напомним, приходились им кузенами, будучи сыновьями их тетки. Очевидно, Ростиславичи считали достаточно незыблемыми границы черниговских владений Святослава Всеволодича, определившиеся при жизни их отца, но при этом находили возможным помогать своему шуринам военной силой в соперничестве с ним⁶. Характерно, что именно в этой ситуации, впервые — спустя десятилетие после женитьбы Олега на их сестре — Ростиславичи именуются шуринами новгород-северского князя⁷.

³ Там же. Стб. 528–529.

⁴ Там же. Стб. 509.

⁵ Там же. Стб. 579. О датировке событий см.: [Бережков, с. 190].

⁶ Немаловажно, разумеется, что старший из Ростиславичей, Роман, как и Святослав Всеволодич, претендовал в ту пору на киевское княжение и был заинтересован в своеобразной демонстрации своих военно-политических возможностей, но едва ли был готов к серьезной войне со Всеволодичем на территории, принадлежавшей последнему.

⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 599.

Эти события, на наш взгляд, лишний раз подтверждают, что брак Олега был важнейшим звеном в стратегических построениях Ростислава Мстиславича относительно Ольговичей, построениях, которые подолгу могли быть незаметны для внешнего наблюдателя, но срабатывали, едва лишь к тому появлялась возможность. История перекрестного свойства двух семей демонстрирует, таким образом, что внутрдинастический брак мог быть не только орудием сиюминутной военно-политической тактики, но и средством настройки более сложных и существенных династических механизмов.

Как мы уже упоминали, препятствия к политически соблазнительному, но нарушающему церковные каноны браку Олега с Агафьей оказались не столь значимыми. Свою роль здесь сыграли по меньшей мере два фактора. Олег со времени смерти своего отца пребывал в ссоре с тогдашним черниговским епископом Антонием, тем самым иерархом, который мог бы осуществлять высший надзор за соблюдением канонов при женитьбе одного из князей черниговского дома и, будучи архиереем из Византии, безусловно, был хорошо знаком с соответствующими запретами на близкородственные или близкосвойственные браки.

Однако, как известно из летописи, в конфликте двух кузенов Антоний не просто принял сторону Святослава Всеволодича, но сделал это в, так сказать, особенно изощренной форме, преступив клятву и нарушив обещание, данное матери Олега и дружинникам его только что скончавшегося отца⁸. Очевидно поэтому, что у Олега, на ком бы он ни женился, едва ли была другая возможность обвенчаться, кроме как обратившись к местному духовенству в Новгороде-Северском или в одном из подвластных ему мелких городов. Возможно также, что его второй брак венчал кто-то из находившихся при нем священников. Отца Олега, при котором ситуация со свадьбой приняла бы, может быть, иное течение и состоялась бы, скорее всего, в Чернигове, как мы знаем, не было в живых.

Что касается матери Олега Святославича, столь деятельно пытавшейся передать Чернигов своему сыну после кончины мужа, то ее толерантность ко вступлению Олега в брак со слишком близкой свойственницей могла объясняться не только совершенно явной и несомненной заинтересованностью в политическом успехе собственных сыновей (напомним, что Олег должен был отстаивать как свои властные привилегии, так и права младших братьев, Игоря и Всеволода), но и спецификой ее личного матримониального опыта. Дело в том, что ее брак со Святославом Ольговичем был заключен в Новгороде в 1136 г. вопреки прямому волеизъявлению тамошнего архиепископа Нифонта: «...владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, глаголя: ”не достоить ти ея поняти”»⁹.

Мы ничего не знаем о происхождении будущей жены Святослава, но, судя по тому, что, согласно летописи, запрещая этот брак, Нифонт использует в качестве прямой цитаты слова Иоанна Крестителя, обращенные к царю Ироду, взявшему в жены вдову своего убитого брата (Мф 14: 4) (ср.: [Schweier, с. 44; Литвина, Успенский, 2010, с. 43]), реакция архиепископа могла быть спровоцирована нарушением некоего церковного запрета в области браков со свойственниками¹⁰. Таким образом, перед глазами Олега Святославича был самый непосредственный из всех возможных семейных прецедентов — его собственные родители были обвенчаны с нарушением неких правил, хотя на нарушение это публично указал епископ. Святослав, как известно, обвенчался тогда «своими попы»¹¹. Тем легче было его сыну,

⁸ Там же. Стб. 522–523.

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 209.

¹⁰ Аргументацию см. подробнее в работе: [Литвина, Успенский, в печати].

¹¹ Характерно, что роль собственного духовенства в жизни Святослава Ольговича отмечается в летописании неоднократно. Так, в Ипатьевской летописи мы находим упоминание о том, что в качестве посланника с обличительной речью к кузенам Давыдовичам Святослав отправляет «попина своего» (духовного отца, по предположению

вступавшему, как и отец, во второй брак, действовать не вполне каноническим образом и тем меньше оснований было у вдовы Святослава возражать против такой свадьбы¹².

Итак, относительно «сторон Олега» у нас нет ни малейших сомнений в том, что брак с Агафьей Ростиславной был ей необходим, препятствия же к этому союзу представлялись куда меньшими, чем это могло быть в обычной ситуации княжеского сватовства¹³. Насколько в этой семье считали возможным пренебречь нежелательно близким свойством при выборе брачного партнера, насколько важен был для сыновей Святослава Ольговича всякий шанс внешней поддержки, как они стремились копировать матримониальную стратегию своего отца, можно судить, помимо всего прочего, по браку родного брата Олега, Игоря Святославича.

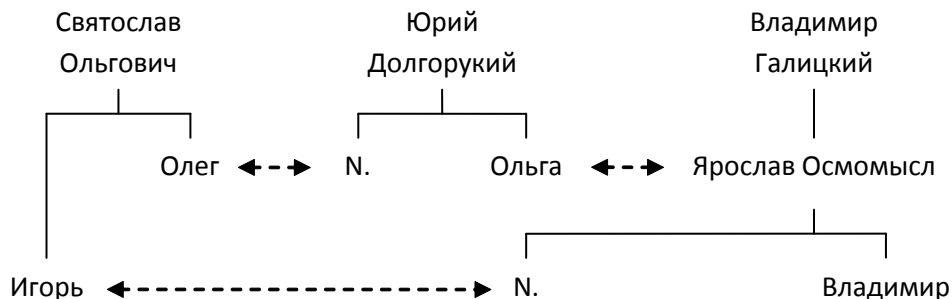
Как мы уже упоминали, Рюриковичи предпочитали не вступать в брак со свойственниками не только в 4-й, но и в более отдаленной — 5-й — степени. Женитьба же Игоря была одним из немногих отступлений от этой нормы.

Н. М. Карамзина [Карамзин, т. II, гл. 12, стб. 128]) (ПСРЛ. Т. II. Стб. 332). Знаменательно, кроме того, что свое княжение в Новгороде Святослав начинает со строительства (?) и освящения церкви во имя своего патронального святого, игравшей, по-видимому, для него роль домового храма, где он и был обвенчан (ПСРЛ. Т. III. С. 24, 209).

¹² Отметим, кстати, что еще одного потенциального участника свадебного стовора, а именно матери Агафьи, в ту пору, возможно, уже не было в живых. Мы решительно ничего не знаем о жене Ростислава Мстиславича, но можно предположить, что к моменту смерти Святослава Ольговича он успел овдоветь и в новый брак не вступал. В противном случае трудно объяснить отсутствие упоминаний о его жене в связи с пространно описанным в летописи стремлением принять постриг. Столь же удивительным было бы такое отсутствие упоминаний в рассказе о последней поездке Ростислава, его смерти и похоронах, где фигурируют не только сыновья и внуки князя, но и его дочь, зять и родная сестра. Поскольку княгиня и в не меньшей степени ее родня обычно играли важную роль в обустройстве свадеб, то частичное сиротство невесты, из-за которого принятие решений целиком и полностью отдается отцу, могло упрощать заключение канонически дефектного брака.

¹³ Можно было бы предположить, что у «сторон Агафьи» также существовал свой собственный, смягчающий остроту нарушения церковного правила семейный прецедент. Дело в том, что родной племянник Ростислава Мстиславича, сын его брата Изяслава, был женат на польской княжне, дочери Болеслава Кривоустого. При этом в исследовательской литературе со времен О. Бальзера (1895 г.) сложилось мнение, согласно которому дочка Изяслава состояла в браке с сыном Болеслава Кривоустого Мешко III [Balzer, с. 324–327]. При таком понимании дела оказывается, что племянники Ростислава состояли в перекрестном браке с членами польского правящего рода. Нельзя ли предположить, что эта ситуация послужила своего рода образцом для действий Ростислава Мстиславича, который счел допустимым перекрестный брак и для своих собственных детей — Романа и Агафьи? Несмотря на кажущуюся близость двух матримониальных ситуаций, нам такое объяснение представляется весьма спорным. С одной стороны, междинастические браки являли собой самостоятельную систему, во многом не пересекающуюся с системой браков внутридинастических. Так, матримониальное поведение русских княжон, выданных замуж за пределы Руси, могло весьма радикально отличаться от поведения их родственниц, вступивших в брак на родине. Во многом здесь срабатывала тактика «отрезанного лотья»: за исключением тех случаев, когда Рюриковна, выйдя замуж за иностранного династа, по тем или иным причинам вынуждена была вернуться в отцовскую семью, ее судьба как бы выпадала из пределов компетенции ее русской родни. Несколько иными были и, так сказать, узусные нормы в области свойства и родства, что, впрочем, неудивительно, особенно в тех случаях, когда речь шла о браках между представителями не только разных династий, но и разных конфессий. Иными словами, в целом едва ли можно говорить о прямом переносе моделей междинастических браков на браки внутридинастические. В конкретном случае с детьми Изяслава и Ростислава Мстиславичей можно было бы принять во внимание особую тесноту контактов двух этих семей и своеобразные отношения союзничества/соперничества, установившиеся между двумя группами кузенов, которые в семейном обиходе охотно воплощались в сознательном копировании определенных схем. В таком случае допущение, что польские браки детей Изяслава повлияли на русские браки детей Ростислава, выглядело бы более правдоподобным. Однако главным препятствием для такого рода построений служит тот факт, что ни в одном источнике, ни русском, ни польском, не указывается, что женой Мешко III была дочь Изяслава Мстиславича. Неизвестна и дата этого брака Мешко. Происхождение второй жены польского князя реконструируется исследователями на основании сообщения о том, что она была дочерью некоего «короля Руси» (то есть, скорее всего, киевского князя) и предположительно вышла замуж в 50-е годы XII в. На роль ее отца, таким образом, «подходит» целый ряд русских князей, попеременно занимавших киевский стол в это бурное время. Д. Домбровский, например, самой вероятной считает кандидатуру Юрия Долгорукого [Dąbrowski, с. 677–686, с указанием литературы]. Иначе говоря, само существование перекрестного брака в семье Изяслава Мстиславича достаточно сомнительно, и, соответственно, учитывая всю неоднозначность соотношения между внутридинастическими и междинастическими браками русских князей, его едва ли следует указывать в качестве непосредственного образца для действий Ростислава Мстиславича.

Этот князь взял в жены родную сестру Владимира Ярославича Галицкого, хотя первая жена его брата Олега, дочь Юрия Долгорукого, приходилась супруге Игоря родной теткой, так как Владимир Галицкий и эта его сестра были детьми Ярослава Осмомысла и Ольги, еще одной дочери Юрия Долгорукого.

Игорь был намного моложе своего брата¹⁴, и время женитьбы для него пришло, вероятно, вскоре после смерти отца. Трудно сказать, успела ли его мать устроить этот брак до своей кончины, или матримониальными делами своего брата занимался уже Олег, «виновник» нежелательного свойства. В любом случае данный пример демонстрирует, как братья, обделенные своим кузеном Святославом Всеволодичем и претерпевшие значительное понижение династического статуса, искали союзников где только возможно, стремясь использовать образцы, некогда зарекомендовавшие себя как успешные. Святослав Ольгович в свое время женил старшего из своих сыновей на дочке Юрия Долгорукого, младший же теперь становится мужем его внуки. Юрий Долгорукий некогда весьма выгодно породнился с галицкими князьями, теперь же братья Святославичи, потерявшие Чернигов, стремятся воспроизвести и этот стратегический ход.

Однако в новую эпоху события развиваются уже по иному сценарию, и не Владимир Ярославич, шурин Игоря, оказывает ему поддержку в борьбе за черниговское наследие, но, напротив, Игорь, судя по показаниям летописи, стал единственным, кто долгие годы спустя приютил у себя изгнанника Владимира, поссорившегося с отцом. Любопытно, впрочем, что отношения Игоря со своим тестем, Ярославом Осмомыслом, оставались, по-видимому, куда лучшими, чем взаимоотношения последнего с собственным сыном, поскольку Игорь выступал посредником в деле их примирения и добился в этом хотя бы временного успеха¹⁵. Таким образом, этот неканонический брак также оказался достаточно результативен с точки зрения долгосрочных династических выгод, правда, не тех, на которые, видимо, рассчитывали Святославичи во времена его заключения.

Так или иначе, в этой семье черниговских князей мы встречаемся с достаточно ярко выраженной каскадностью нарушений церковных запретов: отец вступает в непозволительный, с точки зрения новгородского архиепископа, брак, а впоследствии для двух его сыновей оказывается возможным жениться на заведомо слишком близких свойственницах. «Дурной» семейный прецедент играет здесь не меньшую роль, чем в случае с нарушениями запретов на браки между кровными родственниками¹⁶.

Существуют, на наш взгляд, и другие — более общие, хотя и не столь непосредственные — причины, спровоцировавшие неканонические браки Святославичей. На рубеже 40–50-х годов XII в., как мы попытались показать выше, сформировался целый ряд весьма продуктивных

¹⁴ Игорь Святославич появился на свет в 1151 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 422).

¹⁵ Там же. Стб. 633–634.

¹⁶ О роли семейного прецедента при заключении близкородственных браков см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2012б, с. 45–68].

моделей, имеющих отношение к внутрдинастическому браку, причем модели эти ассоциировались с самыми разными сторонами политической и обиходной жизни династии. Сложились даже своего рода церемониальные образцы — как, например, князьям черниговского дома следует затевать сватовство с представителями других ветвей рода. Что еще более существенно, воочию были продемонстрированы надежность и эффективность союзнических отношений между сватами — князьями, породнившимися благодаря браку своих детей или подопечных.

В этом отношении весьма характерна фигура Юрия Долгорукого, главы огромного семейства, сделавшегося своеобразным «гением русского свойства». В самом деле, семейная стратегия его племянника и соперника, Изяслава Мстиславича, основывалась на приемах, успешных на протяжении XI — начала XII столетия сделаться традиционными для рода, поскольку он стремился ради достижения своих политических целей предельно педалировать и актуализировать связи кровного родства (см.: [Лавренченко, 2012а, с. 61–66; Лавренченко, 2012б]); союзников же по свойству Изяслав искал и находил за пределами Руси.

Матримониальная стратегия Юрия была не столь очевидна. О браках значительной части весьма многочисленного потомства Долгорукого у нас попросту нет никаких надежных генеалогических сведений. На этом фоне тем более ценна та информация о женитьбах его близких, которую составители летописей сочли нужным зафиксировать. Мы уже говорили о том, что свекры его дочерей до самой своей смерти были едва ли не главным ресурсом Юрия в его борьбе за киевский стол, успел проявить себя в качестве его деятельного помощника и один из зятьев, муж Ольги Юрьевны.

Не менее любопытна в перспективе исследования свойства и та несомненная и последовательная преданность, которую выказывал по отношению к Долгорукому Юрий Ярославич Туровский, муж одной из Всеволодковен. Юрий Ярославич к моменту своей женитьбы не имел непосредственной опоры в лице ближайших кровных родственников — у него не было ни родных братьев, ни могущественного отца или дяди. При таком дефиците родства функции старшего покровителя могли перейти на тестя, однако невеста Юрия Ярославича также лишилась отца еще до свадьбы, а вскоре после заключения их брака умер и ее опекун, Всеволод Ольгович. В сущности, никого более близкого из старших, чем родной дядя Всеволодковны, Юрий Долгорукий, у супругов попросту не осталось. Зато его личное могущество и династические чаяния были настолько велики, что относиться к этому не столь уж близкому свойственнику как к отцу и тестю было в высшей степени естественно и выгодно. С другой стороны, князь, владевший Туровом, едва ли мог считаться «бедным родственником», а потому Юрий охотно исполнял по отношению к этому своему тезке функции тестя-отца. При такой трактовке становится понятнее, почему Долгорукий столь легко отправляет Юрия Ярославича с поручениями и в то же время явно прислушивается к его советам в переговорах с Мстиславичами, сыновьями своего единокровного брата. Таким образом, хотя и не сам Долгорукий организовывал брак своей родственницы с туровским князем, он сумел эти отношения свойства усилить и извлечь из них максимальную пользу. Условно говоря, собственные племянники долгое время были для него врагами, случались у него конфликты и с родными сыновьями, тогда как муж племянницы оставался его верным помощником.

В целом, очевидно, что в своей династической борьбе Юрий Долгорукий опирался, в первую очередь, на свойство, приобретенное дома, на Руси. Эта тактика оказалась весьма перспективной — сваты и младшие свойственники на всем протяжении жизни Юрия были для него не менее надежными союзниками, чем кровные родичи для его племянника Изяслава Мстиславича. На будущее был задан своеобразный идеал отношений свойства как образца нерушимой договоренности, безусловно устойчивой по крайней мере до тех пор, пока живы те,

кто этот союз обустроивал. Если вспомнить, например, что Мстислав Великий успел навсегда рассориться с двумя из трех своих зятьев Рюриковичей, то успех матримониальных построений 40-х — начала 50-х годов XII в. оказывается еще более наглядным. Своеобразным «последним аккордом» матримониальной стратегии Долгорукого можно считать события 1155 г., когда он в одну зиму женил сразу двух своих сыновей (Мстислава и Глеба), одного — на знатной новгородке¹⁷, а другого — на дочери черниговского князя Изяслава Давыдовича¹⁸.

Однако, задав столь эффектный и эффективный образец, Юрий одновременно лишил множество своих династических родичей шанса легитимно следовать ему в ближайшее время: всякая интенсификация отношений внутриродового свойства, всякий внутрдинастический брак, как мы помним, закрывает каноническую возможность женитьбы для довольно широкого круга лиц, связанных с брачующимися. Замужества Всеволодковен, внутрдинастические женитьбы детей Юрия и Святослава Ольговича как бы исчерпали наперед запас браков как инструмента примирения между Мономашичами и черниговскими Рюриковичами, например. В обстановке острейшей борьбы за киевский стол князь естественным образом был более озабочен вопросами тактики и, в лучшем случае, ближайшей стратегии, нежели длительной родовой перспективой. Поскольку род к тому моменту достаточно разросся, княжеские семьи приспособились разными путями извлекать немалую пользу из браков между своими, не нарушая при этом церковных установлений. Однако 10–15 лет спустя новые внутрдинастические конфликты — быть может, не столь острые в общеисторическом масштабе, но не менее насущные для их участников — вновь подталкивали русских князей прибегать к столь хорошо зарекомендовавшему себя средству, как внутрдинастический брак, хотя желательного числа дозволенных «вакансий» для таких союзов еще не накопилось.

¹⁷ Поддержка новгородской знати для князя, который стремился усидеть в Киеве, а сына по традиции держать в Новгороде, значила очень многое. Во всяком случае, тесть Мстислава Юрьевича назван в летописи по имени, и его роль в процедуре свадебных переговоров была, по-видимому, весьма заметной. Вообще говоря, браки детей Юрия, заключаемые на Руси с людьми не княжеского происхождения, нуждаются в отдельном исследовании. Мы можем с достаточной уверенностью предположить, что такой матримониальный союз был устроен по крайней мере для одной из дочерей Юрия, причем ее сын от этого брака рассматривался, видимо, как вполне достойный родич. Ведь именно он стал главой свадебного посольства, когда его кузину, дочь Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, отдавали замуж за сына Рюрика Ростиславича. Мы полагаем, что и жена самого Всеволода Большое Гнездо, Мария Шварновна, была дочерью местного боярина Шварна, а не иностранкой, но в исследовательской литературе присутствует и другая точка зрения (см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2006а, с. 334–347; Литвина, Успенский, 2006б, с. 368–381]).

¹⁸ Хронологически события 1155 г. выходят за пределы периода, обсуждаемого в нашей работе, но было бы не совсем корректно вовсе оставить без внимания самую, пожалуй, рискованную часть этой матримониальной комбинации, устроенную Юрием на родине. Речь идет о браке Глеба Юрьевича с дочкой Изяслава Давыдовича (ПСРЛ. Т. II. Стб. 482), ставшего после смерти Изяслава Мстиславича основным конкурентом Юрия. Результаты этого межсемейного альянса оказались не столь стабильными, как договоренности, существовавшие благодаря замужеству дочерей и племянницы Долгорукого, что вполне объяснимо — уж слишком противоположны были в данном случае интересы князей-отцов. Существенно, однако, что поначалу благоприятные последствия союза Изяслава и Юрия давали о себе знать: они предотвратили готовившуюся между этими князьями войну. Кроме того, Изяслав, Юрий и Святослав Ольгович совместно заключили мир с половцами (Там же. Стб. 485). Первое охлаждение между сватами летописец объясняет советами другого свойственника Долгорукого, его зятя Ярослава Осмомысла. Перед нами разворачивается своего рода конкуренция между свойственниками, подобно тому как в других ответвлениях династии Рюриковичей то и дело возникает ситуация конкуренции между кровными родственниками. В дальнейшем стремление Изяслава Давыдовича добиться киевского стола и организация им военного похода против Юрия, казалось бы, несколько дезавуируют абсолютную успешность матримониальной стратегии последнего. Однако и это не совсем так, поскольку никакого похода и никакой битвы между Изяславом Давыдовичем и Юрием так и не состоялось: весть о кончине Долгорукого пришла к Изяславу в тот самый день, когда он собрался выступить на Киев. В летописи мы находим специальное упоминание о том облегчении, которое испытал Изяслав, избавившись от необходимости воевать со сватом: «**внѣ же прослезивъ сѧ . и рѣцѣ въздѣвъ к БѢ и рече блгнѣ еси ГИ ѡже ма еси росѣдилъ с нимъ . смѣръ а не кровопролитѣмъ**» (Там же. Стб. 489). Замысел же этого похода в очередной раз демонстрирует, что кровные родичи Долгорукого (племянник Ростислав и внучатый племянник Мстислав Изяславич) готовы примкнуть к его недругу, тогда как свойственник, Святослав Ольгович, остается ему верен, пренебрегая ради этой верности собственным кровным родством (Изяслав Давыдович приходился ему двоюродным братом).

Иными словами, канонические нарушения, до тех пор вовсе нехарактерные для династии Рюриковичей, в самом конце 50-х — 60-е годы XII в. в известном смысле оказались почти неизбежными последствиями династической войны предшествующего периода. Именно в эти годы мы наблюдаем, по-видимому, два случая женитьбы между кровными родственниками в 6-й (запретной для брака) степени. Речь идет о матримониальном союзе 1159/1160 г. между представителем черниговской династии, Святославом Владимировичем Вщижским, и дочерью Андрея Боголюбского, которая, насколько мы можем судить по источникам, приходилась ему троюродной сестрой. Еще один недопустимый с канонической точки зрения брак между троюродными — свадьба Рюрика Ростиславича и Анны Юрьевны Туровской — был заключен, скорее всего, в конце 60-х годов XII в. (см.: [Литвина, Успенский, 2012а; Литвина, Успенский, 2012б, с. 45–68]).

Присовокупив к этим случаям интересовавший нас инцидент перекрестного брака, а также случай женитьбы между свойственниками в 5-й степени, мы получаем картину хотя и умеренного, но достаточно частотного нарушения брачных запретов в эпоху с конца 50-х по конец 60-х годов XII в. Нарушения эти, однако, отнюдь не превратились у Рюриковичей в регулярную практику. В истории XII столетия они шли, так сказать, волнами, и вторая волна наступила лишь примерно через два десятилетия после первой — в 80-е годы, когда русским князьям понадобилась вся технология отношений свойства, выработанная прежде.

Литература

- Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
- Карамзин Н. М. История государства российского. Книга первая. СПб., 1842 (репринт: М., 1988.). Т. I, II, III и IV.
- Лавренченко М. Л. Родовая модель управления политическим союзом: Изяслав Мстиславич в войне с Юрием Долгоруким // Образ войны в общественной мысли славянских народов эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы XXVI конференции «Славяне и их соседи» памяти В. Д. Королюка. М., 2012. С. 61–66 (Лавренченко, 2012а).
- Лавренченко М. Л. О возможности употребления терминов родства по отношению к родственникам жены в древнерусском обществе // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 7 (15): История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. [Электронный ресурс]. (Лавренченко, 2012б)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кем была «Мария Всеволожая»? Отчества и происхождение трех русских княгинь XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004: Политические институты Древней Руси / Отв. ред. Т. В. Гимон, Е. А. Мельникова. М., 2006. (Древнейшие государства Восточной Европы.) С. 334–347. (Литвина, Успенский, 2006а)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. (Литвина, Успенский, 2006б)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности / Отв. ред. А. А. Горский. М., 2012. С. 135–169. (Литвина, Успенский, 2012а)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 45–68. (Литвина, Успенский, 2012б)
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Почему новгородский архиепископ Нифонт не хотел венчать князя Святослава Ольговича? (в печати)
- Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 2005.
- Dąbrowski D. Genealogia Mściślawowiczów: Pierwszepokolenia (dopoczątku XIV wieku). Kraków, 2008.
- Schweier U. Paradigmatische Aspekte der Textstruktur: Textlinguistische Untersuchungen zu der intra- und der intertextuellen funktionalen Belastung von Strukturelementen der frühen ostslavischen Chroniken, München, 1995. (Sagners Slavistische Sammlung 23.)